

КЛАССИКА ДЕТЕКТИВА

Ниро Вулф возвышается
над своими противниками
подобно башне...
Это необыкновенная
личность, созданная
воображением писателя.

New Yorker



· ВСЕ · РАССЛЕДОВАНИЯ · НИРО · ВУЛФА ·

РЕКС СТАУТ

Убийство
на ранчо



« И Н О С Т Р А Н К А »

Рекс Годхантер Стаут
Убийство на ранчо
Серия «Иностранная
литература. Классика детектива»
Серия «Ниро Вульф»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68872629

*Убийство на ранчо:
ISBN 978-5-389-22731-6*

Аннотация

Ниро Вулф, страстный коллекционер орхидей, большой гурман, любитель пива и великий сыщик, практически никогда не выходит из дому. Все преступления он распутывает на основе тех фактов, которые собирает Арчи Гудвин, его обаятельный, ироничный помощник с отличной памятью. Арчи Гудвин проводит отпуск на ранчо своей подруги Лили Роуэн. Управляющего ранчо Лили арестовывают по подозрению в убийстве человека, который обесчестил его дочь. Гудвин пишет письмо Вулфу с просьбой об отпуске за свой счет, чтобы доказать невиновность управляющего. Однако знаменитый сыщик неожиданно появляется на ранчо и предлагает свою помощь...

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	22
Глава 3	35
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Рекс Стаут

Убийство на ранчо

© А. В. Санин, перевод, 1993, 1994

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Агтикус“», 2023

Издательство Иностранка®

Глава 1

По привычке я начал свое послание с инициалов «Н. В.», а закончил «А. Г.». За прошедшие годы почти все мои письменные сообщения Ниро Вулфу умещались на листках, вырванных из блокнота. По утрам Фриц относил их в его спальню на подносе, а если я возвращался поздно вечером, когда Вулф уже лежал в постели, то оставлял послание на его рабочем столе. Как и все остальные, это тоже начиналось с «Н. В.», а заканчивалось «А. Г.», хотя и было написано от руки.

Я перепечатал его на «ундервуде», который стоял на столе в углу просторной гостиной дома Лили Роуэн, расположенного в дальнем конце ее же ранчо. Письмо я запечатал в конверт авиапочты и субботним утром бросил в почтовый ящик в Тимбербурге, окружном центре. Сверху на листе бумаги была шапка «Ранчо „Бар Джей-Эр“, Лейм-Хорс, Монтана». Не столь, правда, элегантно, как бумага с вытисненным на ней нью-йоркским адресом Лили. Ниже шел текст:

Пятница, 20:13

2 августа 1968 г.

Н. В.!

Здесь творится черт знает что, и я ухитрился влипнуть по самые уши. В понедельник я не стал рассказывать подробности по телефону, поскольку телефонистка могла наябедничать шерифу или окруж-

ному прокурору. К тому же телефон мисс Роуэн могут прослушивать. Сами знаете, наука не топчется на месте.

Поскольку Вы никогда ничего и никого не забываете, то должны вспомнить Харви Грeve, который как-то раз, сидя у Вас в кабинете, рассказывал, что приобрел уйму всякого скота – лошадей, быков, коров и телят – для Роджера Даннинга. Кажется, я упоминал, что последние четыре года Грeve служил управляющим на ранчо мисс Роуэн и все еще является или был им до тех пор, пока шесть дней назад, в прошлую субботу его не обвинили в убийстве и поместили в каталажку, то есть в окружную тюрьму, по-вашему. Кто-то застрелил парня по имени Филип Броделл, когда тот собирал чернику. Двумя выстрелами – в спину и в грудь. Кстати, я рассказывал Вам, что горная черника отличается от обыкновенной? На сей раз, так и быть, прихвачу Вам немного на пробу.

Мы с мисс Роуэн твердо убеждены, что Харви невиновен, вот поэтому я тут и застрял. Если бы было очевидно, что убийца он, я бы, как мы и уговаривались, вернулся еще позавчера, чтобы сдуть пыль с вашего стола. Мисс Роуэн наняла адвоката из Хелены, самого известного во всем округе от Континентального водораздела до Малой Миссури, но мне кажется, что его видение дела отличается от нашего. То есть он готов защищать Харви, но в его невиновность ни на йоту не верит. А я верю и готов поставить пятьдесят против одного, что Харви тут ни при чем. Так что, сами понимаете, я впрягся в работу по самые уши. Даже не будь я обязан мисс Роуэн как ее

гость и давний друг, я не мог бы бросить Харви Грeve в беде, поскольку знаю его слишком давно.

Естественно, с позавчерашнего дня, 31 июля, я беру отпуск за свой счет. Надеюсь, что скоро вернусь, хотя пока не представляю, где найти достойного кандидата на место Харви в тюрьме. Если Вам придется усадить за мой стол Сола или Орри, то все мои личные вещи хранятся наверху, в моей комнате, так что за мои тайны можете не волноваться. Качество телетрансляций здесь чудовищное, поэтому я должен непременно успеть вернуться до начала чемпионата по бейсболу. Привет Теодору, а Фрицу передайте, что по утрам я первым делом вспоминаю о нем – вернее, о его завтраках, которых мне так не хватает. Кстати, местные жители очень потешно называют олады – либо затычками для пасти, либо замазкой для брюха.

А. Г.

Письмо он получит, скорее всего, в понедельник. Прочитав, откинется на спинку кресла и минут десять будет испепелять мое кресло свирепым взглядом.

Бросив письмо в почтовый ящик, я пробежал глазами список покупок. Население Тимбербурга составляло всего 7463 человека, но это был самый крупный город от Хелены до Грейт-Фолса, и покупатели съезжались сюда издалека – от Фиштейл-Ривер, где холмы постепенно переходят в горы, до того места на востоке, где горный хребет становится настолько плоским, что за две мили можно разглядеть койота. Обой-

для четыре магазина на главной улице и два на боковых улочках, я за час приобрел все, что хотел. А именно:

– табак «Биг сикс микс» для Мела Фокса; в отсутствие Харви на Мела навалилось столько дел, что ездить за покупками времени не оставалось;

– мухобойки для Пита Инголлса, который никогда не совал ногу в стремя, не убедившись, что с луки седла не свисает мухобойка;

– ленту для «ундервуда», тюбик пасты и ремень для меня лично, так как мой любимый брючный ремень изжевал дикобраз, пока я... впрочем, это долгая история;

– лупу и карманный блокнот – для меня же.

В Нью-Йорке я никогда не хожу на дело без этих двух предметов, а сейчас я как раз вышел на дело. Возможно, они мне и не понадобятся, но привычка – вторая натура. Такая уж психология.

Напоследок я заглянул в библиотеку. К моему удивлению, книга, которую я искал, – «Кто есть кто в Америке» – оказалась в наличии. Не самая свежая, правда, но выпуск 1967 года вполне меня устроил. Статьи про Филипа Броделла я не нашел, да теперь уже и не найду, поскольку он сыграл в ящик, а вот его отцу Эдварду Эллису Броделлу отвели целую треть столбца. Он был еще жив, поскольку неделю назад, когда приезжал сюда, чтобы собрать сведения, поднять шумиху и забрать тело сына, я обменялся с ним несколькими словами. Родился в Сент-Луисе в 1907 году, преуспел в жизни

и сейчас был владельцем и издателем «Сент-Луис стар». О том, кто собирался убить его сына, «Кто есть кто» умолчал.

Сложив все покупки в большой бумажный пакет, который мне дали в придачу к мухобойкам, я, не слишком обремененный, вошел в четверть первого в кафе «Континентал», пошарил вокруг глазами, заприметил в глубине за столиком привлекательную особу в оливково-зеленой блузке и темно-зеленых слаксах и пробрался к ней.

Когда я отодвигал для себя стул, она спросила:

– Ты такой быстрый или что-то не купил?

– Все купил, – ответил я и поставил пакет на пол. – Может, я не слишком быстрый, но зато чертовски везучий. – Я кивком указал на ее коктейль: – «Карсон»?

– Нет, они его не держат. Разные марки джина сильно отличаются друг от друга. Зато у них есть гороховый суп.

Приятная новость: гороховый суп в «Континентале» был пальчики оближешь. Я заказал официантке две двойные порции супа, крекеры, молоко и кофе, потом порылся в пакете и вынул ремень с лупой, чтобы показать Лили, что по части столь нужных товаров Тимбербург ничуть не уступает Нью-Йорку.

Суп превзошел все ожидания. Когда тарелки заметно опустели и крекеры начали подходить к концу, я произнес:

– Я не только купил все, что хотел, но и откопал кое-какие факты в местной библиотеке. Оказывается, дедушку Филипа Броделла звали Эймос. Отец Филипа – член трех клубов,

девичья фамилия матери Филипа была Митчелл. Представляешь, какая удача! И все благодаря «Кто есть кто».

– Поздравляю! – Лили потянулась за очередным крекером. – Надо срочно уведомить Джессапа. А что ты хотел узнать из «Кто есть кто»?

– Ничего особенного. Просто утопающий хватается за соломинку. – Я проглотил последнюю ложку супа. – Я должен тебе кое-что сказать, Лили.

– Слушаю. Что?

– Вот что. Я хороший сыщик и достаточно опытный. Но пошел уже шестой день с тех пор, как Харви предъявили обвинение в убийстве, а я так и не сдвинулся с мертвой точки. И у меня нет ни одной улики, ни одной, даже самой завалящей зацепки. Пусть я на самом деле стою лишь половину того, что о себе возомнил, но мое положение крайне осложняется тем, что я здесь чужак. Для местных парней я городской пижон. Да, со мной можно поохотиться, порыбачить, сыграть партию в пинокль или потанцевать, но стоило случиться убийству, как все тут же вспомнили, что я чужак. Черт! Я здесь не в первый раз и тысячу лет знаю Мела Фокса, но даже он замкнулся и стал неразговорчивым. И все остальные тоже. И лишь потому, что я чертов чувак из Нью-Йорка! В Хелене наверняка есть частные сыщики. Может, отыщется хотя бы один приличный? Но только местный. Доусон должен знать.

Лили отставила чашку в сторону:

– Ты хочешь, чтобы я наняла местного сыщика в помощь тебе?

– Не мне. Если он чего-то стоит, то сам возьмется за дело.

– Вот как? – Ее голубые глаза взметнулись и уставились на меня. – Значит, ты умываешь руки?

– Нет. Я только что отправил мистеру Вулфу письмо, в котором известил его, что рассчитываю вернуться к началу чемпионата по бейсболу. Сама видишь, я не сижу сложа руки, но мне очень трудно из-за того, что я чужак. Я хочу, чтобы ты спросила Доусона.

– Эскамильо, – ее глаза весело засветились, – ты что, серьезно? Ты же второй сыщик в мире после Ниро Вулфа.

– Да, но в моем собственном мире. Здесь все иначе. Взять хотя бы Доусона. Ты заплатила ему аванс десять тысяч, а как он ко мне отнесся? Ты заметила?

Она кивнула:

– Это мягкая форма ксенофобии. Ты пижон, а я пижонка.

– Ты владелица ранчо, а это совсем другое дело.

– Что ж... – Лили взяла в руки чашку, повертела ее, решила, что кофе остыл, и отставила. – Жаль, конечно, что Харви не выпустят под залог, но Мел управляется – пока. Сколько у нас времени?

– До суда месяца два-три, по словам Джессапа.

– И два месяца до начала твоего чемпионата. Арчи, ты знаешь, как я к тебе отношусь, но я попробую рассуждать совершенно объективно. Тебе не только любой из местных

сыщиков в подметки не годится, но ты к тому же прекрасно знаешь, что Харви никогда бы не стал стрелять в спину. Ни один местный этого знать не может. Включая Доусона. Я права?

– Ты почти всегда права.

– Тогда могу я попросить еще кофе? Только погорячее.

Поскольку мой стакан с молоком опустел, я заказал кофе и себе. Когда мы покончили с кофе, я расплатился и мы двинулись к выходу, лавируя в лабиринте столиков. Примерно двадцать пар глаз следили за нами и еще столько же притворялись, что не обращают на нас внимания. Убийство Филипа Броделла произвело изрядный шум в округе Монро. Хотя отношение местных жителей к заезжей городской публике оставляло желать лучшего, они тем не менее прекрасно понимали, что туристы приносят немалый доход казне штата Монтана, так что отстреливать их во время сбора черники – не самое патриотическое занятие. Поэтому во взглядах, устремленных вслед мне и Лили, особой любви не было, ведь это управляющий ее ранчо нажал на спусковой крючок. Так, во всяком случае, здесь считали.

Перед тем как сесть за руль ждавшего нас на парковке универсала Лили, я забросил пакет с покупками назад к тем, что приобрела Лили по своему списку. Она устроилась на переднем сиденье, стараясь не прикасаться к его спинке, которая, казалось, вот-вот расплавится под безжалостными лучами августовского солнца. С моей стороны, в тени, не слыш-

ком припекало. Я дал задний ход и выехал с парковки. Одно из главных различий между мной и Лили состоит в том, что я оставляю машину на парковке так, чтобы не надо было разворачиваться, а она – как раз наоборот.

Проехав пару кварталов, я завернул на заправку «Престо». Бензобак был наполовину полон, да и бензин на ранчо обходился дешевле на девять центов за галлон, но я хотел, чтобы Лили познакомилась с неким Джилбертом Хейтом, который мог быть там. Это был долговязый парень с длинной шеей, составлявшей солидную часть его шестифутового роста. Он протирал ветровое стекло другой машины, так что Лили, пока нас заправляли, какое-то время пришлось разглядывать его вполоборота. Когда та машина отчалила, Хейт, заметив меня, после минутного колебания подошел и сказал:

– Доброе утро.

На самом деле он произнес «добрутро», но я не собираюсь отнимать у вас время, заостряя внимание на особенностях местного диалекта.

Из вежливости я согласился с ним по поводу добрутра, хотя стрелки часов приближались к часу пополудни. Потом он добавил:

– Папаня сказал, чтобы я не разговаривал с вами.

– Да, – кивнул я, – это вполне в его стиле.

Его папаня был Морли Хейт, шериф округа.

– Он и мне посоветовал не слишком распускать язык, –

сказал я, – но трудно сразу избавиться от застарелой вредной привычки, тем более что для меня это единственный способ заработать себе на хлеб насущный.

– Известно, копы.

Да, радио и телевидение явно расширили словарный диапазон граждан.

– Только не я! – отрезал я. – Вот твой папаня – тот точно коп, а я всего лишь частный сыщик. Если я спрошу, где ты был в прошлый четверг, ты можешь сказать, что нечего мне совать нос не в свое дело. А вот когда твой отец задал мне этот вопрос, я был вынужден ответить.

– Да, слышал. – Он перевел взгляд на Лили, потом снова посмотрел на меня. – Вы расспрашивали про меня. Я могу сам ответить на то, что вас интересует.

– Буду весьма признателен.

– Не убивал я этого ублюдка.

– Отлично! Именно это меня и интересовало. Теперь список подозреваемых существенно сузится.

– Для меня даже подозрения ваши оскорбительны. Вот посмотрите сами. – Хейт разошелся и даже не обращал внимания на коллегу, который закончил заливать нам бензин и теперь внимательно прислушивался. – Первая пуля, выпущенная сзади, угодила ему в плечо и развернула. Вторая попала уже спереди в горло и перебила позвоночник. Для меня это просто оскорбление. Я укладываю оленя с одного выстрела. Спросите у кого угодно. С тридцати ярдов я запросто

гремучей змее башку снесу. Пусть отец и запретил с вами трепаться, но мне кажется, что это вы должны знать.

Он повернулся и зашагал к машине, которая подкатила к соседней бензоколонке.

– Ну как? – спросил я Лили, когда мы отъехали, направляясь на северо-восток.

– Я пасую, – ответила она. – Я и впрямь хотела на него посмотреть, хотя ты однажды уже говорил, что только глупец может надеяться на то, чтобы разглядеть в незнакомом человеке убийцу. Я не хочу показаться душой и потому пасую. Но что он там наговорил насчет оскорбления?

– Он просто пытался объяснить мне, что умеет стрелять. – Я взял вправо на развилке. – Я уже слышал об этом от троих. А всякому известно, что ни в плечо, ни в шею целить не стоит, когда хочешь уложить человека наповал. Но он мог и схитрить. Рассчитать, что всем известно, какой он стрелок, и специально сбить прицел. У него было предостаточно времени, чтобы продумать это.

Добрых пару миль Лили переваривала эти сведения, потом спросила:

– А ты уверен, что он знал про Броделла? Что Броделл – отец ее ребенка.

– Черт побери, да в Лейм-Хорсе все об этом знали! И не только в Лейм-Хорсе. И все также наверняка знали, что Джил влюблен в нее. В прошлый вторник – нет, в среду – он сказал одному приятелю, что, несмотря ни на что, собирает-

ся жениться на ней.

– Вот что такое настоящая любовь! Понял?

Я ответил, что всегда это знал.

Двадцать четыре мили от Тимбербурга до Лейм-Хорса почти полностью были покрыты асфальтом, за исключением двух коротких участков: один, где дорога ныряла в глубокую лощину, а потом круто взбегала в гору, и второй, где зимой с нависающих скал сыпалось так много камней, что их не успевали убирать. И если первые несколько миль от Тимбербурга по сторонам дороги попадались деревья и кустарники, то оставшуюся часть пути – голый неровный хребет.

В Лейм-Хорсе проживало человек сто шестьдесят. Асфальтовая дорога заканчивалась напротив универмага «Вотер», переходя дальше в извилистый проселок. В универмаге нам ничего не требовалось, поскольку все необходимое купили в Тимбербурге, так что мы проехали дальше. До поворота к ранчо Лили оставалось чуть меньше трех миль, а там еще триста ярдов до коттеджа. Однако, чтобы преодолеть эти три мили, приходилось подниматься на две тысячи футов. Чтобы попасть на ранчо, надо было переехать мост через речку Берри-Крик. Совсем недалеко речка делала крутую петлю, в которой и располагался коттедж Лили. От коттеджа до самого ранчо пешком можно добраться, перейдя либо мост, либо речушку вброд прямо напротив коттеджа, что было значительно быстрее. В августе речка настолько мелела, что в одном месте ее можно было пересечь, прыгая с

камня на камень. Или для благозвучности – с валуна на валун.

Мое любимое место на земном шаре находится всего в семи минутах ходьбы от дома Ниро Вулфа на Западной Тридцать пятой улице: это Геральд-сквер, где за десять минут можно увидеть больше разных типов людей, чем где-либо еще. Однажды я даже наблюдал, как один из верховных боссов мафии перед входом в универмаг посторонился, чтобы пропустить вперед через вращающуюся дверь преподавателя воскресной школы из Айовы. Если вы спросите, как я это определил, то честно признаюсь: я видел их впервые, но выглядели они точь-в-точь как босс мафии и преподаватель воскресной школы из Айовы. Для любого другого человека, уставшего от людей и мирской суеты, любимым местом стал бы уголок ранчо, где располагался коттедж Лили. Тишину прерывало лишь журчание Берри-Крика, на которое, впрочем, уже через пару дней перестаешь обращать внимание. Вокруг ранчо росли сосны, а к северу за излучиной начинались густые ельники, карабкавшиеся вверх по крутым скалистым склонам. Ниже по течению раскинулся живописнейший Бобровый луг, а чуть выше по течению находится скалистый утес, вершины которого не видно с этой стороны речки. Если вам взбредет в голову поразмяться и пошвырять камни в сусликов, то до дороги всего три минуты ходьбы по тропинке.

Одноэтажный коттедж сложен из обтесанных бревен. Ми-

новав крытую террасу, вымощенную камнем, вы попадаете в гостиную размером тридцать четыре на пятьдесят два фута с огромным камином. Две двери справа ведут из гостиной в спальни – одну занимает Лили, а вторая отводится для гостей, – а дверь слева ведет в длинный коридор, вдоль которого располагаются кухня, затем комната Мими, вместительная кладовая и три гостевые комнаты. И еще шесть ванных с ваннами и душевыми кабинами. Очень милый маленький коттедж. За исключением кроватей, мебель, на которой вы сидите, плетеная. Все комнаты устланы индейскими коврами; на стенах вместо картин и фотографий развешаны индейские одеяла и циновки, причем три из них – настоящие байеты – висят в гостиной. И лишь на пианино стоит одна фотография – портрет отца и матери Лили в рамке, – которую Лили всегда возит с собой из Нью-Йорка и обратно.

Прихватив продукты, купленные Лили в Тимбербурге, мы, чтобы сократить путь, поднялись в коттедж через дверь, открывающуюся прямо в коридор. Темноглазая красotka с остреньким подбородком, лениво развалившаяся в кресле в углу террасы на солнышке, не предложила помочь, зато приветливо помахала лапкой, когда мы вылезли из машины. Поскольку ее маечка и шорты вместе не превышали по площади трех квадратных футов, оставалось довольно много обнаженного загорелого тела, приметной частью которого были стройные длинные ножки. Оставив покупки на кухне и в кладовой, мы с Лили вернулись к универсалу. Она забрала

оставшиеся вещи, а я завел машину под навес и прихватил свой бумажный пакет. Лили поднялась на террасу и передала один из свертков Диане.

Ее полное имя было Диана Кейдани. Гостем Лили мог быть кто угодно: от знавшего лучшие дни философа до знаменитого композитора, сочиняющего музыку, которую я предпочел бы никогда не слышать. Сейчас гостей было трое, включая меня, что для Лили вполне обычно. Однажды вечером, вылавливая из верхнего пруда форель на ужин, мы с Лили обсуждали Диану. Я предположил, что ей двадцать два, а Лили набросила еще три года. Зимой она сделала себе имя, участвуя в бродвейском спектакле «Не со мной», который, по-моему, вполне мог бы идти под музыку вышеупомянутого знаменитого композитора. Лили вложила кое-какие средства в постановку и пригласила Диану в Монтану из чистого любопытства. Мне сперва показалось, что провести целый месяц в компании вопросительного знака – затея довольно рискованная, но в итоге все оказалось не так уж плохо. Правда, Диана порой бывала чересчур назойлива, оттачивая свое умение соблазнять любую подвернувшуюся поблизости особь мужского пола. А подворачивались, ясное дело, только мы с Уэйдом Уорти.

Когда я вошел в гостиную, чтобы пройти в свою комнату, Уэйд Уорти сидел за столом в углу и барабанил на «ундervуде». Уорти, как вы догадались, был еще одним гостем, причем особенным. Он работал. В течение двух лет Лили

собирала всевозможные материалы о своем отце, и когда их набралось примерно с полтонны, принялась искать добровольца, готового написать книгу. Надеясь на помощь друга – редактора «Парфенон пресс», она рассчитывала, что работа должна занять какую-то неделю. В итоге же на нее ушло почти три месяца. Из первых двадцати двух профессиональных литераторов, к которым Лили обратилась, трое писали собственные книги, четверо продумывали очередные шедевры, двое лежали в больнице, один помешался на вьетнамской теме и не соглашался обсуждать ничего другого, один баловался с ЛСД, двое были республиканцами и наотрез отказались увековечивать память известного деятеля из Таммани-Холла¹, нажившего несметное состояние на прокладке канализации и асфальтировании магистралей, один попросил год на обдумывание, трое просто отказались без особых причин, один предложил написать роман, а еще один был беспросыпно пьян.

Наконец в мае Лили и редактору удалось заловить Уэйда Уорти. Судя по словам редактора, еще три года назад имени Уорти никто не знал, потом же свет увидела созданная его пером биография Эббота Лоуренса Лоуэлла, имевшая, правда, ограниченный успех. Зато вторая его книга «Ум и сердце», биография Хейвуда Брауна, едва не попала в списки бестселлеров. Щедрый аванс, предложенный Лили, соблазнил Уорти, одновременно вызвав негодование редактора, и

¹ Таммани-Холл – штаб-квартира демократической партии в Нью-Йорке.

вот в солнечный августовский день Уэйд Уорти сидел в углу гостиной за столом, создавая третье бессмертное произведение. Название захватывало – «Полосы тигра: жизнь и деятельность Джеймса Джилмора Роуэна». Лили надеялась продать столько экземпляров, сколько бычков за все время носило клеймо «Бар Джей-Эр». Джей-Эр – это, естественно, сокращение от «Джеймс Роуэн».

У себя в комнате я вытряхнул пакет, подпоясался ремнем, отнес зубную пасту в ванную, рассовал блокнот и лупу по карманам, взял в руки оставшиеся предметы и вышел в гостиную. Передал ленту для «ундервуда» Уорти и протопал на террасу, где Лили щебетала с Дианой Кейдани. Я уведомил Лили, что возьму машину, поскольку собираюсь в Лейм-Хорс или к Фарнему, а она попросила не опаздывать к ужину. Я завел универсал, выехал по проулку на дорогу, повернул налево, потом еще раз налево, пересек мост через Берри-Крик, проехал через распахнутые ворота, которые обычно бывали закрыты, миновал корали, два сарая и барак, который Пит Инголлс называл общежитием для наемных работников, и остановился на краю пыльной гравийной площадки с растущим посередине деревом, напротив дома Харви Грeve.

Глава 2

Я мог бы многое рассказать вам о ранчо «Бар Джей-Эр» – сколько в нем акров, каково поголовье скота, о попытках выращивать кормовую люцерну, о возне с изгородями, путанице с учетом и о других не менее интересных фактах, но это не имеет отношения ни к убитому парню, ни к живому Харви Грeve. Ни малейшего. А вот девушка, появившаяся за сетчатой дверью, когда я вышел из машины, имела, причем самое непосредственное. Она открыла дверь, и я вошел в дом.

Мне никогда не приходилось встречать девятнадцатилетнего юношу, производившего впечатление, что он может знать что-то недоступное для моего понимания, а вот трех таких девушек я на своем веку повидал. Одной из них была Альма Грeve. Не пытайте меня, в чем заключалась ее тайна – в глубоко посаженных карих глазах, которые никогда широко не раскрывались, или в изгибе губ, казалось вот-вот готовых улыбнуться, но никогда не улыбававшихся, – я не знаю. Пару лет назад я упомянул об этом Лили, на что она сказала:

– Да брось ты. Дело не в ней, а в тебе. Какой бы мужчина не встретил хорошенькую девочку, она всегда либо удивительная загадка, либо невинный ребенок, которого он хочет... воспитать. В любом случае мужчина заблуждается. Правда, для тебя загадок не существует, следовательно, ты хочешь...

Я запустил в нее кисточками для рисования.

Я спросил Альму, кто дома, и она ответила, что мама и ребенок, но оба спят, потом поинтересовалась, не мама ли заказала мне мухобойки, я ответил, что нет – они предназначены для Пита.

– Может, посидим немного и поболтаем? – предложил я.

Она запрокинула голову назад, поскольку была дюймов на девять ниже меня ростом.

– Хорошо.

Альма повернулась, и я проследовал за ней в уставленную и увешанную трофеями гостиную. Харви и его жена Кэрол в свое время были звездами родео, поэтому все стены пестрели фотографиями, на которых были запечатлены самые захватывающие мгновения соревнований. Кроме того, на стенах красовались медали, дипломы и другие награды, а на столе стоял серебряный кубок, который Харви завоевал в Калгари, с выгравированным на нем именем Харви Грeve. Альма приблизилась к дивану возле камина и села, скрестив ноги, а я занял стул напротив. На девушке была мини-юбка – шорты она не признавала, – но ее ноги заметно уступали ногам Дианы как по длине, так и по форме. Хотя смотреть на них тоже было вполне приятно.

– Выглядите вы хорошо, – похвалил я. – И спите, должно быть, неплохо.

Альма кивнула:

– Валяйте – укрощайте меня. Я сбросила седло.

– И закусила удила. – Я посмотрел ей в глаза. – Послушайте, Альма, я вам искренне симпатизирую. Вас все любят. Но неужели вы не понимаете, что кого-то должны осудить за убийство Филипа Броделла и, если нам не удастся совершить чуда, этим кем-то окажется ваш отец?

– Мы в Монтане, – ответила она.

– Да. В штате сокровищ. Золота и серебра.

– Отца никто не осудит. Это Монтана. Его оправдают.

– Кто вам сказал?

– Никто. Я здесь родилась.

– Но слишком поздно. Лет пятьдесят назад или чуть меньше суд присяжных в Монтане и впрямь мог бы оправдать человека, застрелившего мужчину, который соблазнил его дочь. Но эти времена канули в Лету. Теперь этого не случится, даже если вы придете давать показания с младенцем на руках и заявите, что рады, что ваш отец убил коварного соблазнителя. Я решил, что выскажу вам все напрямик. Мне кажется, у вас есть определенные подозрения о том, кто мог убить Броделла, может быть, вам это даже известно, но вы не хотите, чтобы этого человека осудили, и к тому же рассчитываете на то, что вашего отца оправдают. Вы уже признали, что рады тому, что Броделла убили.

– Я так не говорила.

– Ерунда! Я могу воспроизвести наш разговор дословно. Вы рады, что Броделл мертв.

– Хорошо, пусть я рада.

– И вы не хотите, чтобы кого-нибудь притянули к ответу. Предположим, например, вы подозреваете, что убить его мог Джил Хейт. Джил божится, что в тот четверг весь день был в Тимбербурге. А вдруг вам известно, что это не так? Может быть, он приезжал сюда и беседовал с вами, а отсюда до того места, где застрелили Броделла, всего пара миль, и у него в машине было оружие. Вдруг вам все это известно, но вы молчите, поскольку надеетесь на то, что вашего отца оправдают. Или на то, что всегда успеете сказать спасительную для него правду, после того как его осудят за убийство первой степени. Так вот, девочка, вам это не удастся по ряду причин, в первую очередь, потому, что тогда вам уже никто не поверит. Если же вы сейчас скажете правду мне, то я смогу начать действовать. Посмотрим, быть может, у Джилла Хейта не меньше шансов на то, чтобы быть оправданным, чем у вашего отца. Местный парень, вполне благополучный, который рассчитывал жениться на вас, но не выдержал, когда мужчина, соблазвивший вас в прошлом году, снова объявился здесь. Возможно, в глазах присяжных его даже легче оправдать, чем вашего отца.

Из примыкавшей комнаты донесся какой-то звук – возможно, ребенок шевельнулся в колыбельке. Альма повернула голову и прислушалась. Потом посмотрела на меня:

– В тот день Джил сюда не приезжал.

– Я и не утверждаю, что он приезжал, а просто высказываю предположения. Есть и другие возможности. Его могли

убить и по причинам, вовсе не связанным с вами. Если так, то причину следует искать в чем-то, приключившемся в прошлом году, поскольку в этом году Броделл провел здесь всего три дня. Например, какие-то неприятности с Фарнемом. Броделл вполне мог рассказать вам про это. Когда мужчина сходится с женщиной настолько, что от него рождается ребенок, он может порассказать ей довольно много. Черт побери, да забудьте вы наконец, что вашего отца оправдают, и дайте мне хоть какую-то зацепку!

Еще чуть-чуть, и она могла бы улыбнуться.

– Да я все время только об этом и думаю. – Она сцепила руки на коленках. – Послушайте, Арчи, я уже десять раз говорила вам: я считаю, что убил его мой отец.

– А я вам десять раз повторял, что вы не должны так себя вести. Я вам не верю. Вы же не сумасшедшая, а только сумасшедшая могла прожить со своим отцом девятнадцать лет и не...

– Она не сумасшедшая, она просто дура, – произнес голос сзади нас; в проеме двери стояла Кэрол. – Моя единственная дочь, все, что у меня осталось. И надо же... Не тратьте на нее время. Я уже махнула на нее рукой. – Она повернулась к дочери. – Иди подои мула или займись еще чем-нибудь. Я хочу сама поговорить с Арчи.

Альма не шелохнулась.

– Он сказал, что хочет говорить со мной. А я вообще не хочу ни с кем разговаривать. Что толку?

– Ты права, никакого толку.

Кэрол села на диван на расстоянии вытянутой руки от Альмы. Одета она была довольно неопрятно: мягкая рубашка, старые рабочие брюки, линялые носки... Зато лицо вполне могло принадлежать двадцатилетней пастушке, если бы не морщинки вокруг умных карих глаз, смотревших на меня.

– Похоже, вам не удалось раздобыть ничего нового, иначе вы не были бы здесь.

– Это верно. Вы встречались вчера с Харви?

– Да, – кивнула она. – Мы проговорили полчаса. Больше Морли Хейт не разрешил. Давно пора бы врезать ему по первое число. Если так пойдет и дальше, я сама этим займусь.

– Я вам помогу. Что нового сообщил Харви?

– Ничего. Все толлок воду в ступе.

Я потряс головой:

– Я хочу вас кое о чем спросить. Сегодня я уже попросил Лили узнать у Доусона, есть ли в Хелене приличный частный сыщик. Местный уроженец. Возможно, ему будут говорить то, что утаивают от меня. Что вы об этом думаете?

– Забавно, – произнесла Кэрол.

– Что забавно?

– Еще двоим пришло в голову то же самое. Флоре и одной моей подруге, которую вы не знаете. И вчера я задала этот вопрос Харви. Он сказал, что в Хелене нет ни одного сыщика, которого можно было бы даже сравнить с вами. Вдобавок Доусон считает, что Броделла убил мой муж, и так же будет

думать любой, к кому он обратится. Здесь все так считают, сами знаете.

– Не все. Убийца, например, так не считает. Ладно, оставим это. Вы хотели поговорить со мной.

Кэрол посмотрела на свою дочь:

– Ты стала большая, сама теперь мать. Я не могу выставить тебя силой. – Она поднялась и обратилась ко мне: – Пойдемте на улицу. Поговорим там.

Альма молча встала и вышла из комнаты. Кэрол закрыла за ней дверь, села на диван ближе ко мне и сказала:

– Возможно, вы правы насчет нее, хотя и не обязательно. Да, она должна бы знать своего отца получше, это так... Я вот тоже думала, что знаю своего, когда мне было девятнадцать. Лишь потом я поняла, что заблуждалась, когда... Черт с ним, кто старое помянет, тому глаз вон! Так вот, я хотела вам сказать, что кое-что придумала, но не уверена, что из этого выйдет толк.

– Кто знает, все может пригодиться.

– Я имею в виду пару, которая остановилась у Билла Фарнема. Не тех, что из Денвера, а доктора с женой из Сиэтла. Кажется, вы сами говорили, что он доктор?

Я кивнул:

– Роберт С. Эймори, доктор медицины. Жену зовут Беатрис.

– Какого они возраста?

– Около сорока.

– Как она выглядит?

– Пять футов шесть дюймов, фунтов сто двадцать. С виду симпатичная. Рыжие крашенные волосы, причем краску она, похоже, с собой захватила. Пытается делать вид, что ей здесь нравится, но на самом деле приехала только ради того, чтобы составить компанию мужу, которому до смерти осточертела всякая мирская суета и который обожает ездить верхом и ловить рыбу.

– А на кого он похож? Если бы Броделл переспал с его женой, а он бы про это узнал, что бы он сделал?

– Броделлу попросту не хватило бы времени. Он пробыл здесь всего три дня.

– У меня есть один племенной бык, которому хватило бы и одного дня.

– Да, я знаю этого быка, как вам известно. Броделл все-таки был не такой, хотя и это можно допустить. Признаюсь, мне и самому такая мысль приходила в голову и четыре дня назад я расспросил об этом Фарнема, но тот опроверг мои подозрения, хотя доказать ничего не смог. Тем не менее алиби у доктора Эймори нет, поскольку он рыбачил в одиночку. И еще: стрелок он никудышный. Я, правда, надеялся выудить что-нибудь более лакомое, например узнать, что Эймори прихватил с собой ружье на случай встречи с медведем, но Фарнем это отрицал.

– Естественно. Кто захочет, чтобы твоего постояльца при-тянули за убийство.

– Правильно. Я просто говорю, что он сказал. Это не значит, что я ему верю. Очень мало из того, что мне удалось выяснить за последние шесть дней, достойно доверия. Вы, например, позавчера сказали мне, что никогда не встречались с Филипом Броделлом. Я должен этому верить?

– Да, это правда.

– Прошлым летом он прожил здесь шесть недель. В каких-то четырех милях отсюда.

– Да хоть в четырехстах милях. Жаль, что не так. Билл Фарнем пускает к себе на ранчо городских пижонов и с этого живет. А на нашем ранчо все вкалывают. Харви и Билл однажды поцапались, это верно. Вы сами здесь были, когда несколько наших коров и бычков нашли брешь в изгороди и удрали в лес, а один из городских пижонов Фарнема подстрелил бычка. В гости мы не ходим. Я знаю о том, что Альма познакомилась с Броделлом на танцах только потому, что она сама мне это сказала. В прошлом году она ни разу и словом о нем не обмолвилась, но если вы мне не верите, то это ваши трудности. Значит, доктора вы исключаете?

– Я никого не исключаю. Даже вас я не подозреваю только потому, что, окажись вы убийцей, нам бы это ничего не дало. Какой смысл был бы менять вас с Харви?

– Если бы стреляла я, то в плечо не попала бы, будьте уверены.

– Если бы специально так не захотели. – (Мы смотрели друг другу в глаза.) – Я ведь вас об этом не спрашивал, вер-

но?

– О чем?

– Не вы ли застрелили его?

– Нет. Дважды нет. Вы меня не спрашивали, а я в него не стреляла. Вам, должно быть, позарез нужна жертва.

– Еще бы. Но я спрашиваю не просто так. Давайте посмотрим, согласитесь ли вы со мной по поводу трех высказываний. Первое: вы не Харви, вы – это вы, и вдобавок вы женщина, следовательно вы могли бы выстрелить мужчине в спину. Второе: стреляете вы отменно и можете попасть в то место, куда целите, с точностью до полудюйма.

– Не до полудюйма. Я попаду именно туда, куда целюсь.

– Хорошо. Теперь третье. Многие, в том числе Хейт и Джессап, утверждают, что Харви сперва выстрелил в плечо Броделлу, чтобы тот развернулся, а потом – в шею, поскольку все знали, что Харви – классный стрелок, и он специально стрелял так, чтобы подумали, будто убийца стреляет неважно. Но беда в том, что Харви просто на это не способен. Так уж устроен его мозг. Вы – другое дело. Вам бы такие мысли как раз могли прийти в голову. Вы согласны?

Уголок ее рта дернулся вверх.

– Лили... – произнесла она.

– Что Лили?

– Это она думает, что я его убила, да?

– Если и думает, то вслух не говорит. Все это сугубо между нами. Даже если бы Лили мне что-нибудь и сказала, я все-

гда думаю и делаю выводы сам. Так вы согласны с моими высказываниями?

Уголок ее рта оставался приподнятым.

– Предположим, да. И что тогда? Вы сами сказали, что нет никакого смысла в том, чтобы поменять местами нас с Харви. Или вы на самом деле думаете иначе?

– Нет, конечно. Я просто хотел бы обсудить кое-какие возможности. Предположим, что убили Броделла вы, а я продолжаю действовать так, словно этого не знаю. Что тогда? Я не смогу добыть никаких улик против кого-то другого, потому что их попросту не существует. Я связан по рукам и ногам и не смогу сдвинуться с места. Если же я буду твердо знать, что убили его вы, то смогу придумать что-нибудь полезное. Я не впервые сталкиваюсь с подобными трудностями, и мне не раз случалось находить необычное решение. Так что давайте поговорим начистоту.

Кэрол прищурилась:

– Значит, по-вашему, я его убила?

– Я этого не утверждаю. Просто говорю, что это возможно. Альма уверяет, что в тот день вы обе были дома, но это ничего не значит, поскольку ничего другого от нее и ожидать нельзя. Я согласен, что с вашей стороны было бы верхом нелепости признаваться мне в содеянном, поскольку я могу вас заложить. Но это только потому, что вы меня недостаточно знаете. В Нью-Йорке есть кому за меня поручиться, здесь же таких людей нет, за исключением разве что Харви.

Если вы ему скажете, что я дал вам честное слово, что никто, включая Лили, не узнает от меня о нашем разговоре, уверен, он попросит вас рассказать мне все как на духу.

– Значит, вы уверены, что я убила Броделла.

– Нет, черт побери! Но я в тупике и пытаюсь хоть за что-то ухватиться. Неужели вы не видите, в каком я положении?

– Вижу. Что ж... – Она оглянулась. – Библии у нас нет.

Она встала и подошла к углу, где висело седло, с виду почти новое.

– Знаете, что это за седло? – спросила Кэрол.

Я кивнул:

– «Квантрелл» ручной работы с серебряными заклепками и стремянами. Вы выиграли его в Пендлтоне в тысяча девятьсот сорок седьмом году.

– Правильно. Самый счастливый и памятный день в моей жизни. – Она положила ладонь на лук седла. – Если я убила это отродье Броделла, то пусть мое седло сгниет и будет съедено червями, и да поможет мне Бог! – Она повернулась ко мне. – Этого достаточно?

– На большее я и не рассчитывал. – Я поднялся. – Хорошо, вы вне подозрений. Передайте Харви, что я постараюсь не обмануть его ожиданий. Табак я привез Мелу, а мухобойки Питу. Я не стану их дожидаться, потому что у меня полно дел. Вы слышали, что я сказал Альме?

– Большую часть.

– Она и в самом деле была здесь с вами в тот день? Весь

день?

– Да, я вам уже говорила.

– А младший Хейт здесь не был?

– Нет, я вам и это уже говорила.

Я двинулся к двери, но в последнее мгновение обернулся:

– А положи руку на седло?

– Все равно: да и нет, – ответила Клэр.

Глава 3

Если вам покажется, что следующие три часа я провел не самым лучшим образом, значит я плохо обрисовал вам всю серьезность положения. А отправился я, между прочим, не куда-либо, а взглянуть на место преступления.

Дорога, ведущая из Лейм-Хорса, не заканчивалась у ранчо «Бар Джей-Эр», а тянулась вперед и вверх еще добрые три мили, пока не утыкалась в Фиштейл-Ривер, а там справа и находилось принадлежащее Биллу Фарнему ранчо. Не слишком большое, но прекрасно обставленное, если, конечно, не сравнивать его с коттеджем Лили. Одновременно на ранчо могли проживать не более шести постояльцев. За несколько дней до гибели Броделла один парень из Спокана сломал руку и отбыл домой, поэтому сейчас на ранчо оставалось всего четверо: доктор Эймори с женой и еще одна супружеская пара из Денвера. Мистер Фарнем не был женат, поэтому помогали ему обслуживать гостей кухарка, горничная и пара работников ранчо – Берт Маги и Сэм Пикок. Коттеджей на ранчо не возводили, так что жили все в одном бревенчатом доме с пристройками на краях и посередине, общей площадью с пол-акра. Сарай и корали находились поодаль от речки, за небольшой сосновой рощей.

Остановив машину под двумя раскидистыми елями, я вылез. Ни у реки, ни у дома не было ни души. Подойдя к тер-

расе, я позвал:

– Есть кто дома?

Женский голос сказал, чтобы я заходил, и я послушался. Комната, в которую я вошел, была раза в два меньше гостиной Лили, а посередине на ковре лежала рыжеволосая женщина, подложив под голову и спину несколько подушек. Когда я приблизился, она отложила в сторону журнал, зевнула и сказала:

– Я узнала вас по голосу.

Я остановился шагах в четырех от нее и вежливо осведомился, не потревожил ли ее сон. Она ответила, что нет, пояснив, что спит по ночам, а потом добавила:

– Пожалуйста, не обращайтесь на меня внимания. Опускать юбку мне лень, а брюки я терпеть не могу. – Она вновь сладко зевнула. – Если вы пришли не ко мне, то вам не повезло. Остальные еще на рассвете переправились через речку, чтобы поохотиться в горах на лося, и я не знаю, когда они вернутся. А вы до сих пор... вы все еще пытаетесь вызволить своего друга из тюрьмы?

– Надо же хоть чем-то заняться.

– Может быть, мне опустить юбку?

– Нет, не стоит.

– Но если вы вдруг пришли ко мне, то я вас слушаю.

Я улыбнулся, чтобы показать свое расположение:

– На самом деле, миссис Эймори, я пришел вовсе не к кому-либо определенному. Я хотел только сказать Биллу,

что оставлю машину здесь, пока прогуляюсь на Тетеревиную грядку. Если он придет до моего возвращения, передайте это ему, ладно?

– Конечно. Только он не вернется так рано. – Она смахнула с виска прядь рыжих волос. – Там ведь убили Броделла, да?

Я ответил, что да, и двинулся к двери, но на голос миссис Эймори обернулся.

– Я здесь единственная, кто вас поддерживает. Остальные уверены, что этот... как его зовут...

– Гreve. Харви Гreve.

– Да, – кивнула она. – Они уверены, что он убил Броделла. Я же сразу поняла, что вы человек умный и знаете, что делаете. Поэтому хочу пожелать вам удачи.

Я поблагодарил ее и вышел. Я знал Тетеревиную грядку, потому что лучшего места для сбора черники было просто не сыскать. Мы частенько ходили туда с Лили иногда за черникой, а иногда для того, чтобы поохотиться на тетеревов. Откормленные отборной черникой тетерева не уступали по вкусу тому, что готовил сам Фриц. Правда, отстреливать тетеревов было запрещено, поэтому мы не слишком увлекались охотой, и за два дня до смерти Броделла мы с Лили, Дианой Кейдани и Уэйдом Уорти собирали на гряде ягоды, а не охотились.

Конечно, я мог добраться туда и от ранчо Лили, но это было дольше, да и часть пути пролегла по труднопреодоли-

мой местности. От ранчо же Фарнема до гряды было рукой подать, около мили. Мне предстояло обогнуть сарай и корали, спуститься по пологому склону, поросшему елями, пробраться через усыпанную обломками скал ложбину и затем вскарабкаться на гряде по косогору, густо поросшему юккой. Заросли юкки, иссушенной безжалостно палящим августовским солнцем, доставили немало хлопот, норовя заплести мне ноги. Преодолев их и не дойдя ярдов пятидесяти до гребня, я взял левее и зашагал вдоль гряды, высматривая какие-нибудь следы, которые подсказали бы мне, где убили Броделла. Следопыт из меня неважный, но место, где целая орда полицейских осматривала труп, без особого труда должен был опознать даже самый неопытный горожанин. Первое, что я увидел и что могло с таким же успехом встретиться мне на Геральд-сквер, была кровь. Бурое пятно я разглядел на поверхности валуна, а потом заметил и узкую полоску, тянущуюся от него вниз по склону. За валуном росли кусты черники – там, стало быть, и стоял бедолага, когда его подстрелили.

Теперь, увидев кровь, я разглядел и другие признаки, которые местному жителю бросились бы в глаза в первую очередь: сломанные веточки, сдвинутые валуны и так далее. Должно быть, следы оставили полицейские, перерывшие все вокруг в поисках пуль. Придя к такому умозаключению, я устремил взор вниз, чтобы попытаться выяснить то, что меня больше всего интересовало: где мог прятаться убийца. Во-

круг на добрую сотню футов не было ничего, кроме кустов черники, небольших валунов и мелкого разнотравья, дальше же виднелись густые кустарники и деревья. Так что на сорок ярдов подобраться к жертве легко мог даже житель Нью-Йорка, не говоря уже о местных уроженцах, которые выслеживали оленей и лосей. Правда, для пистолета сорок ярдов – далекоовато, поэтому стреляли, видимо, из ружья. Между прочим, в Монтане не принято ходить в горы с ружьем в разгар лета, так как охота на всех четвероногих, кроме разве что койота, запрещена. А кто станет карабкаться на Тетеревиную гряду в поисках койотов?

Набрав пригоршню черники, я присел на ближайший камень подумать. Признаться, только полный осел мог надеяться на то, что на месте преступления его осенит гениальная догадка. Так не случилось, да и не должно было. Увы, чтение следов на природе и прочие ковбойские штучки были явно не для меня. Три часа я ухлопал впустую. Заметив неподалеку бурундука, юркнувшего под переплетенные стебли ястребинки, я подобрал камешек размером с мячик для гольфа, дождался, пока зверек выберется на ровное место, швырнул в него камешек и, ясное дело, промахнулся. Возле коттеджа Лили бурундуки так и кишели. Я забавлялся тем, что иногда подкармливал их.

Не в лучшем расположении духа я вернулся на ранчо Фарнема, как ни странно, даже не сломав по дороге ногу. Как и следовало ожидать, никто из охотников до сих пор так и

не появился. Лишь в половине шестого я возвратился в коттедж, а в шесть у нас обычно был ужин.

К ужину одеваться было не принято, но я с дороги взмок, поэтому принял душ и нацепил на себя свежую рубашку и коричневые слаксы. Когда я причесывался, в дверь постучали. Я открыл. Лили была в прежнем зеленом костюмчике. Заметив, что я переоделся, она спросила:

– Ты кого-нибудь пригласил?

Я рассказал, куда отлучался, объяснив, что окровавленный валун расположен ярдах в двухстах к северу от того места, где я как-то раз на глазах у Лили голыми руками поймал сидевшую на ветке дикушу. Еще я пересказал свои беседы с Альмой и Кэрол.

– Не знаю, как ты, но я поверил Кэрол, – закончил я. – Она не убивала. Побожись она на Библии, я бы еще подумал, но она поклялась на седле, и это решило дело.

– Значит, так тому и быть, – согласилась Лили. – Как-то раз я попросила у нее это седло, чтобы посмотреть, как оно выглядит на Кэт, но Кэрол отказала. Ты прав. Она бы тебе призналась, если бы убила этого парня. Только не возомни теперь, что лучше разбираешься в женщинах, чем я.

Не подумайте, что Лили хотела примерить седло на горную рысь или на пуму. Кэт она окрестила свою пегую кобылу за прыть, с которой та три года назад перемахнула через овражек, когда Лили впервые села на нее верхом.

Завтракали и обедали мы всегда на кухне, за столом у

большого окна, иногда там и ужинали, но обычно ужинали на крытой террасе, выходящей на речку. Поскольку из Нью-Йорка Лили прихватила с собой только Мими, отказавшись от помощи местной прислуги, на стол накрывали мы сами. В тот вечер в меню входило: филе-миньон, запеченная картошка, шпинат и малиновый шербет, причем все, кроме картофеля, хранилось в огромном морозильнике. Филе-миньон, упакованное в сухой лед, нам доставляли экспрессом из Чикаго. Вам, конечно, должно показаться, что Лили, обладавшая тысячным поголовьем скота, могла придумать более дешевый способ приготовления мясных блюд, но, сделав несколько попыток, она в конце концов от них отказалась.

За столом на террасе Лили всегда садилась лицом к речушке, протекавшей буквально в дюжине шагов от края террасы. Уэйд Уорти занимал место слева от Лили, я располагался справа, а Диана Кейдани – напротив.

– Сегодня мне пришла в голову ужасная мысль, – взяв в руку нож, сказала Диана. – Совершенно ужасная.

Было очевидно, что она пыталась завязать разговор. Уэйд Уорти подыграл ей. Я еще не решил, что собой представляет Уэйд. На его гладком щекастом лице с широким носом и квадратным подбородком возникали самые неожиданные ухмылки, которые не всегда было легко разгадать. Дружелюбная ухмылка вполне к нему располагала, хотя при этом он мог ляпнуть какую-нибудь колкость. Язвительная ухмылка могла сопровождать изящный комплимент. В ответ на ре-

плику Дианы Уэйд просто вежливо улыбнулся:

– Вы, как и любой другой человек, не лучший судья для собственных мыслей. Расскажите нам, и уж мы решим, как квалифицировать ваши мысли.

– Если бы я не собиралась вам рассказать, то не стала бы и упоминать это, – ответила Диана, подцепила на вилку кусок мяса и отправила в рот; она часто поступала так и разговаривала, пережевывая пищу. – Дело вот в чем. Если бы не убили этого Броделла, Арчи сейчас не сидел бы с нами. Он уехал бы еще три дня назад. Значит, убийца подыграл нам. Можете не квалифицировать эту мысль. Она, безусловно, ужасная.

– Мы отблагодарим убийцу, когда узнаем, кто он, – сказала Лили.

Диана проглотила мясо и откусила кусок картофелины.

– Я вовсе не шучу, – заметила она. – Мысль, конечно, жуткая, но она натолкнула меня на задумку написать пьесу. Пьесу о женщине, которая совершает ужасные поступки: без конца врет, ворует, шельмует, отбивает чужих мужей и может даже убить кого-нибудь. Зато всякий раз ее дурной поступок оборачивается добром для кого-то другого. Кого-то она жестоко мучает, но очень многим помогает, причем не щадя себя и ничего не жалея. То есть добро очень явно перевешивает. Я еще не решила, каков будет финал, пусть его придумает драматург, но убеждена, что роль вышла бы просто потрясающей. Любая актриса мечтала бы сыграть такую. Я уже мечтаю. – Покончив с картофелиной, Диана отправи-

ла в рот кусочек мяса и обратилась к Уорти: – Вы ведь писатель, Уэйд. Почему бы вам не написать эту пьесу?

Уорти потряс головой:

– Я недостаточно хорош для такой пьесы. Предложите свою идею Олби или Теннесси Уильямсу. Что касается того, что убийца подыграл нам, я не совсем с вами согласен. За всю неделю мы почти не видели Арчи. – Он посмотрел на меня с дружелюбной ухмылкой. – Как у вас дела?

– Прекрасно, – ответил я, глотая пищу. – Мне осталось только добиться признания. Диана обрывала чернику с самого богатого куста, а Броделл незаметно подкрался сзади, оттолкнул ее и накинулся на чернику сам. Тогда Диана и подстрелила его. К счастью...

– Из чего? – спросила Диана.

– Не перебивайте. К счастью, рядом оказался Уэйд, охотившийся на сусликов, который и произвел первый выстрел в плечо. А вы потом попросили у него ружье и добились Броделла.

Уэйд ткнул в мою сторону ножом:

– Вам придется доказать это! Мы просто так не сдадимся.

– Хорошо. Знаете вы, что такое врожденная личная радиация?

– Нет.

– А знаете вы хотя бы, что уровень радиации у каждого человека столь же индивидуален, как отпечатки пальцев?

– Вполне логично.

– Не просто логично, но высоконаучно. Просто поразительно, как некоторые сыщики ухитряются порой обходиться без достижений современной научной мысли. Так вот, сегодня я обследовал Тетеревиную гряду с новым счетчиком Гейгера, купленным по случаю распродажи на восемь центов дешевле, и он указал на вас с Дианой. Вы оба были там. Теперь мне остается только...

– Естественно, что мы были там, – подтвердила Диана с набитым ртом. – Вы сами с Лили водили нас туда. Три раза, а то и четыре!

– Докажите, – заявила Лили. – Я такого что-то не припомню.

– Что вы, Лили! Вы должны вспомнить!

Общаясь с Дианой, было очень трудно понять, то ли она валяет дурака, то ли и в самом деле такая дурочка. Когда подошло время шербета и кофе, программу вечера уже обсудили и утвердили. Как правило, вечера отводили под игру в пинокль, или под чтение книг, газет и журналов, или под телевизор, беседы и уединение, или же, особенно по субботам, под встречи с местным населением. На сегодняшний вечер Уэйд предложил сгонять партию в пинокль. Я сказал, чтобы играли без меня, поскольку мне надо ехать в Лейм-Хорс. Остальные принялись наперебой обсуждать, не составить ли мне компанию, и решили, что не стоит. Я помог убрать со стола, вышел и сел в машину.

Теперь о сложности, с которой я столкнулся. Если я по-

дробно расскажу обо всем, чем занимался в течение следующих четырех дней и ночей с восьми вечера в субботу до восьми вечера в среду, то вы познакомитесь с сотней людей и узнаете массу новостей из жизни округа Монро в штате Монтана, но ни на дюйм не приблизитесь к разгадке убийства Филипа Броделла. По той причине, что я и сам не приблизился. К тому же вам, как и мне, жутко надоест эта тягомотина. Поэтому приведу лишь один пример из программы субботнего вечера.

Поскольку субботним вечером большинство людей приезжает в Лейм-Хорс на машинах, а оттуда всего двадцать четыре мили до Тимбербурга, вы могли бы предположить, что все повалят в центр округа, где есть кинотеатр с обтянутыми бархатом креслами, кегельбан и другие увеселительные заведения. Ан нет! В субботний вечер целая толпа жителей Тимбербурга, человек этак сто, рванула в Лейм-Хорс. Центром притяжения служил большой, довольно старый и ветхий с виду дом, примыкающий вплотную к универмагу «Вотер», с огромной вывеской вдоль крыши:

ДОМ КУЛЬТУРЫ ВУДРО СТЕПАНЯНА

Обыватели именовали его обычно Вуди-Холл. Вуди, которому сейчас было уже за шестьдесят, построил его лет тридцать назад на деньги, доставшиеся в наследство от отца. А отец Вуди торговал в этих местах всем, что только может прийти вам в голову, еще до того, как Монтана стала штатом. Детские годы Вуди прошли в магазинчике-фургоне, по-

стоянно кочующем с места на место. При рождении младенца окрестили Теодором, в честь Рузвельта, а когда мальчику исполнилось десять, отец переименовал его в Вудро, уже в честь Вильсона. В 1942 году Вуди всерьез подумывал о том, чтобы взять имя Франклин, в честь другого Рузвельта, но потом решил, что хлопот не оберешься, тем более что тогда пришлось бы менять вывеску.

Итак, номером первым в программе субботнего вечера Вуди-Холла шел какой-то фильм, смотреть который мне не хотелось, поэтому, оставив машину напротив, я заглянул в «Вотер». Всякому, побывавшему в этом зале шириной и длиной футов сто, с высоченными потолками, сразу бы стало ясно, почему, кроме как для того, чтобы отправить письмо и почитать «Кто есть кто», ехать в Тимбербург мне было незачем. Список всех товаров занял бы несколько страниц, поэтому я назову лишь сковородки, ковбойские шляпы, пятигалонные кофейники, рыболовные принадлежности, журналы и книги в мягкой обложке, оружие и боеприпасы, всевозможные бакалейные товары, пончо, седла и шпоры, сигары, сигареты и табак, охотничьи и кухонные ножи, ковбойские и резиновые сапоги, мужскую и женскую одежду, джинсы, поздравительные открытки, шариковые ручки, три стеллажа всевозможных лекарств...

По залу бродило около дюжины покупателей, а Морт Вотер, его жена Мейбл и сын Джонни хлопотали с ними. Я пришел не за покупками и не почесать язык, а для того, что-

бы услышать что-нибудь полезное, поэтому, оглядевшись по сторонам, решил, что больше всего мне подходит смуглая женщина с жесткими черными волосами, разглядывавшая выставленные на прилавке туфли. Это была метиска по имени Генриетта, которая жила ниже по дороге, продавала контрабандные спиртные напитки и знала всех и вся.

Я подошел к ней и сказал:

– Привет, Генриетта! Держу пари, что вы меня не помните.

Чуть склонив голову набок и прищурившись, она спросила:

– На сколько спорим?

– Скажем, на доллар.

– Ха! Вы мужик мисс Роуэн. Мистер Арчи Гудвин. – Она подставила мне ладонь. – С вас доллар.

– Надеюсь, что вы не имеете в виду то, что я имею в виду, а раз так, то ладно. – Я выудил из бумажника купюру и протянул ей. – Приятная неожиданность – встретить вас здесь. Я думал, что в субботу вечером у вас отбоя нет от клиентов.

Генриетта перевернула купюру, чтобы взглянуть на обратную сторону, потом спросила:

– Это что, шутка? – И разжала пальцы.

Бумажка плавно полетела и опустилась на пол.

– Вовсе не шутка. – Я подобрал с пола пятерку. – Один доллар вы уже отработали. Остальное за то, что вы ответите на пару вопросов.

– Я не люблю вопросы.

– А кто их любит. Не о вас. Вы же знаете, что мой друг Харви Грeve попал в беду?

– В большую беду, – кивнула она.

– Правильно. И еще вы, должно быть, знаете, что я пытаюсь помочь ему.

– Это все знают.

– Совершенно верно. И при этом думают, что я зря стараюсь, поскольку Грeve виновен. Вы встречаетесь со многими людьми и знаете все слухи. Так и в самом деле все думают?

Генриетта указала на пятидолларовую бумажку в моей руке:

– Я отвечу, и вы заплатите четыре доллара?

– Плачу вперед. Берите, потом отвечайте.

Она взяла бумажку, опять повертела ее и осмотрела с обеих сторон, потом засунула в карман юбки и сказала:

– В суд я не пойду.

– Нет, конечно. Это только дружеский треп.

– Многие говорят, что мистер Грeve убил его. Но не все. Некоторые говорят, что убили вы.

– Сколько таких?

– Может, трое или четверо. Вы знаете Эмми?

Я сказал, что знаю. Так называли Эммета Лейка, погонщика скота с ранчо «Бар Джей-Эр», постоянного клиента Генриетты.

– Только не уверяйте, что он указывает на меня.

– Не он. Он говорит, что слышал такое от гостя мистера Фарнема.

– Я знаю, но Эмми отказывается называть его. Может, вы поделитесь со мной своими мыслями?

– Моими мыслями? Ха!

Я одарил ее своей самой неотразимой улыбкой:

– Готов держать пари, что у вас очень много мыслей.

– На что?

– О, даже подумать страшно. Послушайте, Генриетта, я ведь знаю, что у вас всегда ушки на макушке. В прошлом году он провел здесь шесть недель – я имею в виду убитого. Он говорил мне, что кое-что у вас приобрел.

– Один раз он приходил с мистером Фарнемом.

– Он говорил о ком-нибудь?

– Я забыла.

– Но вы вряд ли забыли, что другие говорили о нем на этой неделе, поскольку его убили. Вот мой самый главный вопрос. Я не прошу вас называть имена. Скажите только, что о нем говорили. – Я достал из бумажника десятку и показал ей. – Это позволит мне хоть как-то помочь мистеру Грeve. Скажите, что вы слышали.

Глаза Генриетты впились в бумажку, потом уставились на меня.

– Нет! – бухнула она.

И стояла на своем, как я ее ни уговаривал. Десять минут спустя я смирился с поражением и убрал десятку в бумаж-

ник. Даже предложи я ей двадцать долларов или сто, Генриетта держала бы рот на замке. Она настолько боялась вызова в суд, что даже, поклявшись я на дюжине седел, что так не случится, не поверила бы мне. Я отчалил от нее и обвел взглядом остальную публику. Из полутора десятка сновавших по залу людей я не знал по имени лишь троих. Решив, что никого здесь расколоть не удастся, я двинулся в Вуди-Холл.

Снаружи он превосходил по размерам магазин «Вотер», а внутри был разделен на три части. В центральной, напротив входа, располагались стеллажи и прилавки, где была выставлена, в том числе на продажу, всякая всячина, имеющая отношение к культуре. Грампластинки, книжки в мягкой обложке, репродукции картин и рисунков, бюсты великих людей, факсимиле Декларации независимости и множество разных предметов вроде Библии на армянском языке; большинство в одном экземпляре. Редко кто покупал здесь что-нибудь. Вуди как-то признался Лили, что от продажи получает около двадцати долларов в неделю. Главный же доход приносили ему кинотеатр, размещавшийся в левой части здания, и платный танцевальный зал; оба были открыты только по субботам.

Когда я вошел, Вуди беседовал с тремя незнакомыми мне мужчинами и женщиной. Заметив меня, он довольно быстро покинул своих собеседников и подошел ко мне. В целом Вуди был столь же невысокого мнения о городских пижонах, как и большинство жителей Монтаны, но с Лили он дружил,

а поэтому принял и меня. Он спросил, придет ли мисс Роуэн. Я ответил, что нет, она слишком устала и хочет пораньше лечь спать, но передала ему привет.

Хотя Вуди был ростом повыше, чем Альма Грeve, ему тоже пришлось запрокинуть назад голову, чтобы смотреть мне в глаза. Его глаза были такие же черные, как у Генриетты, а копна седых волос напоминала верхушку горы Чейр.

– Кланяйтесь ей от моего имени, – попросил Вуди. – Скажите, что я целую ее ручки. Она просто душка. А как ваши дела? Есть успехи?

– Нет, Вуди, увы! А вы по-прежнему на нашей стороне?

– Целиком и полностью. Если мистер Грeve столь трусливо убил этого человека, то я косолапый койот. Я говорил вам, что имел удовольствие познакомиться с мистером Грeve, когда ему было два года. Мне же исполнилось шестнадцать. Его мать купила тогда у моего отца четыре одеяла и две дюжины носовых платков. Значит, вы ничем похвастаться пока не можете?

– Нет. А вы?

Он медленно покачал головой, поджав губы:

– Вынужден признаться, что нет. Конечно, в будни я мало с кем общаюсь. Вечером ожидается наплыв, и я постараюсь что-нибудь выведать. Вы останетесь здесь?

Я сказал, что да, добавив, что опросил уже всех, кого мог, но буду прислушиваться к разговорам.

Тут в зале появились еще два пижона и, заметив знамени-

того Вуди, решительно двинулись к нам. Я подошел к стеллажам, выбрал книгу в мягкой обложке – «Греческий путь» Эдит Хэмилтон, которую упоминали и Лили, и Ниро Вулф, и присел с ней на скамью.

В 21:19 субъект в розовой рубашке, джинсах «левайс», ковбойских сапогах и с желтым шейным платком открыл дверь в танцевальный зал и установил рядом с ней столик с кассой и коробкой входных билетов. Висевший у него на ремне устрашающего вида револьвер не был заряжен. Это я знал наверняка, поскольку Вуди всегда осматривал его лично. В 21:24 появились музыканты – скрипач, аккордеонист и саксофонист, одетые не менее живописно, чем билетер. Они уже явно успели побывать в «Вотере» или у Генриетты. Местные таланты. Фортепиано, не уступавшее, по словам Лили, ее собственному, стояло на сцене. В 21:28 появились первые посетители, а в 21:33 распахнулись двери кинозала и оттуда вывалила толпа, бóльшая часть которой устремилась за билетами на танцы. И началось веселье. В течение следующих четырех часов творилось то, ради чего сюда приезжали люди всех возрастов из Тимбербурга и даже из Флэт-Бэнка. Когда толпа перед входом в танцевальный зал рассосалась, я тоже заплатил два доллара и вошел. Оркестр играл «Horsey, Keep Your Tail Up», и пары – около пятидесяти – прыгали, извивались и откалывали лихие коленца. Сам Вуди отплясывал с Флорой Итон, могучей вдовушкой, которая служила экономкой на ранчо «Бар Джей-Эр». Приезжие горожанки

неоднократно пытались заполучить Вуди на первый танец, но он неизменно выбирал женщину из местных.

Поскольку я пообещал вам ограничиться одним лишь примером, то не стану его слишком затягивать. За эти четыре часа я навиделся и наслушался более чем достаточно, но, выйдя на свежий воздух в половине второго ночи, подумал, что ни на шаг не приблизился к разгадке убийства Броделла.

Вот, например, что я услышал. Девушка в вишневой блузке окликнула Сэма Пикока, одного из двоих работников с ранчо Фарнема:

– Эй, Сэм, ты бы постригся, а то выглядишь как дикобраз.

На что последовал ответ:

– Теперь еще ничего. Видела бы ты меня, когда я только на свет появился. Мою мать приходилось связывать, чтобы заставить покормить меня грудью.

Я был также свидетелем, как Джонни Вотер и Вуди выставили из зала двоих подвыпивших пижонов, которые пытались отобрать у музыканта аккордеон. Спиртное, как было заведено, танцоры принесли с собой. В баре продавали только шипучку, соки, лед, бумажные стаканчики и аспирин.

Еще я слышал, как молодящаяся женщина с пышным бюстом закричала на своего партнера:

– Совсе они не накачаные! – И залепила ему увесистую затрещину.

Вот еще пример услышанного. Пижон в смокинге разъярял женщине в длинном вечернем платье:

– Нет, «постельная» – это вовсе не проститутка. Это, как правило, горничная, которая застилает постели гостям.

И последнее. Один парнишка обратился к другому:

– Конечно, она не придет. У нее же маленький ребенок на руках.

И еще я видел, как около восьми дюжин людей любых мастей и возрастов при моем приближении отворачивали физиономии, внезапно умолкали или в лучшем случае удоставляли меня холодным взглядом.

Поэтому, когда я вернулся в коттедж, забрался в постель и укутался двумя одеялами – ночь выдалась довольно прохладная, – то решил, что ломать голову мне не над чем, и забылся сном младенца.

Итак, с примерами покончено, но, прежде чем перескочить к событиям вечера в среду, я должен сообщить о том, что случилось в нашем коттедже во вторник. Я только что вернулся откуда-то и сидел с Лили на так называемой утренней террасе, противоположной террасе у ручья, на которой мы ужинали, когда в проулке появился крытый «додж-коронет». Я уже прежде видел эту машину. Разглядев на переднем сиденье двоих мужчин, Лили сказала:

– Вот они. Я как раз собиралась тебе сообщить, что Доусон позвонил и предупредил о своем приезде. Но не объяснил зачем.

Машина остановилась, и из нее вылезли Лютер Доусон и Томас Р. Джессап. При виде этой парочки я был так поражен,

что позабыл все манеры и приподнялся лишь тогда, когда адвокат защиты и окружной прокурор уже подходили к нам. Чтобы два таких лица нагрянули на ранчо, где служил Харви Грее, должно было случиться что-то из ряда вон выходящее, поэтому признаюсь, когда я заставил себя встать им навстречу, на душе у меня скребли кошки. Окружной прокурор тоже отнюдь не сиял, хотя от него нельзя ожидать особого веселья, когда, например, его дело рассыпается в пух и прах. Лили предположила, что гости хотели бы промочить горло, чтобы смыть дорожную пыль, и спросила, что им налить, но окружной прокурор с адвокатом, поблагодарив, отказались.

– Всем, должно быть, кажется странным, что мы приехали вдвоем, – сказал Доусон, – но мистеру Джессапу понадобилось кое-что узнать, и мы решили, что правильнее будет, если я сам задам вопросы в его присутствии.

– Конечно, – кивнула Лили. – Закон и порядок.

Доусон взглянул на Джессапа. Оба родились и выросли в Монтане, но по одному это было заметно, а по другому – нет. Доусон, лет под шестьдесят, в полосатой рубашке с закатанными рукавами, без галстука, в брюках хаки, был крупный и кряжистый, как гризли, тогда как окружной прокурор, выглядевший лет на двадцать моложе и облаченный в темно-серый костюм, белоснежную сорочку и бордовый галстук, был сухощавый и щуплый. Доусон посмотрел на меня, раскрыл рот, закрыл его и перевел взгляд на Лили.

– Вы, конечно, не моя клиентка, – произнес он. – Мой клиент – мистер Грeve. Но вы внесли за него задаток и сказали, что заплатите за защиту. Поэтому я хочу спросить: вы собирались... э-э-э... обращались к кому-либо по поводу этого дела?

Глаза Лили немного расширились.

– Конечно.

– К кому?

– Ну... к Арчи Гудвину. К миссис Харви Грeve. Мелвину Фоксу. Вудро Степаняну. Питеру Инголсу. Эммету Лейку. Мими Деффанд. Мортю...

– Извините, что перебиваю вас. Мне следовало уточнить вопрос. Обращались ли вы не к местным жителям? К кому-нибудь из Хелены?

Будь она обычной женщиной, я бы считал своим долгом вмешаться, но Лили, как мне казалось, и сама совладала бы с ситуацией. Так и вышло.

– Вы что, с Луны свалились, мистер Доусон? – в свою очередь спросила она. – Или вы никогда не подвергали перекрестному допросу свидетелей? – (Доусон смотрел на нее, выпучив глаза.) – С другой стороны, – добавила она, – адвокаты тоже люди, с теми же слабостями и дурными привычками, хотя многим это может и не понравиться. – Она повернулась ко мне. – Как ты думаешь, Арчи, какое ему дело до того, с кем я общалась?

– Ты права, – подтвердил я, – но дело не в этом. Судя

по его словам, вопрос задает тебе не он сам, а Джессап. А уж Джессапу это и подавно не пристало знать, так что я еще удивлен, как у них хватило наглости явиться сюда. Не знаю, как в Монтане, но в Нью-Йорке ими бы уже заинтересовалась коллегия адвокатов на предмет исключения из профессиональной гильдии. Подумать только: окружной прокурор спрашивает у лица, которое оплачивает адвоката защиты, с кем оно общалось. Поскольку ты просила моего совета, то вот он: я бы велел им катиться ко всем чертям.

Лили посмотрела на Доусона, потом перевела взгляд на Джессапа.

– Катитесь ко всем чертям! – с чувством сказала она.

– Вы не так меня поняли, мистер Гудвин, – затараторил Доусон.

Я смерил его взглядом:

– Послушайте, мистер Доусон, я вовсе не удивлен, что вы сели в лужу. Если бы вас не торопили, вы бы, безусловно, оставили все похитрее. Видимо, у мистера Джессапа возникли подозрения, что кто-то со стороны пытается вмешаться в дело, и ему не терпится узнать, не приложила ли к этому руку мисс Роуэн. Вам, должно быть, это тоже небезразлично. Очевидно, что вам следовало честно это ей рассказать, а уж потом спрашивать, не обращалась ли она к кому-нибудь за помощью. Не помешало бы заодно добавить слово «пожалуйста». Если такой путь вас не устраивает, то я на вашем месте поискал бы дорогу к вышеупомянутым чертям.

Доусон посмотрел на окружного прокурора.

– Только вы должны сознавать, что все это строго конфиденциально, – заявил Джессап.

Доусон кивнул. Лили покачала головой:

– Если вы имеете в виду, что мы должны пообещать вам держать язык за зубами, то ничего не выйдет. Конечно, трезвонить на каждом шагу мы не станем, но и никаких обещаний не дадим.

Доусон повернулся к Джессапу:

– Ну что, Том?

– Мы должны посоветоваться, – ответил Джессап и обратился к Лили: – С вашего разрешения, мисс Роуэн.

Лили кивнула. Парочка отчалила к «доджу», а Лили спросила, есть ли у меня какие-нибудь мысли. Я показал ей скрепленные пальцы и сказал, что могу поставить два против одного на то, что в деле случился благоприятный для нас поворот, но какой именно – могу лишь догадываться. Однако мне уже стоило определенного труда сдержать довольную ухмылку. Советовались юристы недолго. Я бы даже не удивился, если бы Доусон вернулся один и извинился, что нас потревожили, но несколько минут спустя они возвратились вдвоем, расселись по креслам и Доусон произнес:

– Решение принял мистер Джессап, а не я. Вы должны понять, что я здесь только по его просьбе. – Он вперил взгляд в Лили. – Раз вы не можете обещать, мисс Роуэн, то и не надо, но я, как и мистер Джессап, очень рассчитываю на ваше

благоразумие. Если я расскажу вам, в чем дело, то это будет лишь передача сведений понаслышке, так что я предоставлю слово мистеру Джессапу.

За последние пять дней я трижды пытался пробиться на прием к Томасу Р. Джессапу, но всякий раз получал от ворот поворот. Не подумайте, что я жалуясь, нет, я просто излагаю факты. Нет закона, обязывающего обвинителя беседовать с друзьями и заступниками подзащитного. Поэтому допрашивал меня как свидетеля или возможного подозреваемого шериф Морли Хейт. Джессапа же я видел только на расстоянии и мог лишь мечтать о личной встрече.

Джессап лучезарно улыбнулся Лили:

– Прошу извинить меня за недоразумение, мисс Роуэн. Мистер Гудвин заявил, что надо говорить «пожалуйста», так что я говорю это сейчас. Пожалуйста, рассматривайте нашу беседу как конфиденциальную. Я убежден, что вы сумеете сохранить все услышанное в тайне. Мистер Гудвин сказал, что нам следовало все вам честно рассказать, и сейчас я собираюсь исправить свое упущение. Я не займу у вас много времени. Сегодня рано утром мне позвонило официальное лицо из Хелены... очень влиятельный и высокопоставленный человек. Он попросил меня приехать к нему как можно раньше и прихватить с собой материалы на Харви Грее. Я отправился в Хелену и провел с ним три часа. Ему был нужен подробный отчет, который я надиктовал секретарше, после чего он долго задавал мне вопросы. Очень много вопросов.

Он снова улыбнулся Лили, потом мне и повернулся к Лили:

– Случай этот весьма необычен. На моей памяти впервые гене... такой влиятельный деятель вызывает окружного прокурора, чтобы ознакомиться с материалами дела. Тем более дела об убийстве. Конечно, я поинтересовался, зачем нужна такая срочность, но ответ меня не удовлетворил. Я покинул его кабинет, даже не представляя, что могло случиться. Лишь отъехав миль на двадцать, я вдруг сообразил, что вы могли... скажем, вмешаться. Вам небезразлична судьба Харви Греве, что вполне естественно. Вы наняли Лютера Доусона, нашего видного адвоката, защищать его. Я не знаю, каковы ваши политические связи, но женщина с вашим положением и состоянием должна быть знакома со многими влиятельными лицами. Поэтому я развернул машину, вернулся в Хелену и рассказал обо всем мистеру Доусону. Он сказал, что ничего не знает об обращении к... этому человеку, но согласился, что стоит спросить вас, и позвонил вам. Я вовсе не говорю, что вы поступили неправильно, нет, но, если столь высокопоставленное лицо собирается вмешаться в проводимое мной расследование, я имею право хотя бы знать почему. Мистер Доусон, как адвокат обвиняемого, тоже хотел бы это знать. – Джессап на мгновение замолчал, чтобы улыбнуться, потом заключил: – Конечно, все, что вы мне скажете, тоже будет считаться строго конфиденциальным.

Знай они Лили так, как знал ее я, то поняли бы, что

маленькие круги, которые она вычерчивала носком туфли, означали, что она страшно разозлена. К тому же ее левый глаз был чуть заметно прищурен, что еще более усугубляло положение.

– Так вы спрашиваете меня, – с вызовом начала Лили, – не использовала ли я свои связи, чтобы надавить на кого-то в Хелене?

– Ну... я бы не сказал так категорично.

– А я говорю. И это вовсе не конфиденциально, мистер Джессап. Я считаю, что вы поступили некорректно. Вы представляете обвинение. С какой стати вы задаете мне вопросы и считаете, что я должна перед вами отчитываться? Если вы вернетесь к своей машине, то мистер Доусон через минуту догонит вас.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.